



О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье приводится характеристика структуры научного знания в свете идеи гарантирования избирательных прав граждан. Поскольку наиболее развитыми формами организации научного знания являются научные теории, автор акцентирует внимание на данных сущностных образованиях в системе науки. Анализируя строение научных теорий, исследователь приходит к выводу о формировании в избирательном праве теорий гарантий избирательных прав, гарантирования указанных прав, гарантийного избирательного права, находящихся в стадии перехода от феноменологического к нефеноменологическому уровню знания. Причем универсальный характер присущ только первой теории. Обращение к моделям гарантий избирательных прав граждан, выступающих объектами законов науки, позволяет показать действие законов (закономерностей) в процессе возникновения, функционирования и развития одноименных гарантий. При этом основной закономерностью автор объявляет реализацию избирательных прав граждан в соответствии с общепризнанными принципами и нормами избирательного права.

Ключевые слова: юриспруденция, выборы, гарантии, избирательные права, конституционное право, категории, законы, теории, концепции, модели.

Наука как логическая система состоит из ряда элементов, предметным изучением которых занимаются философия науки и науковедение. Последние рассматривают строение научного знания преимущественно на примере естественных наук, что не исключает ценность данных исследований для наук общественных, в том числе юридических. Вопросы интеграции научного знания, поставленные в философско-методологической литературе во второй половине XX в., и сегодня составляют особое направление методологической проблематики. Возможно поэтому, обращаясь к идее общей структуры научного знания, представители различных наук придерживаются относительного единства взглядов о его элементах, перечень которых все же не является догматичным и зависит от той либо иной авторской концепции. Так, П.А. Рачков к элементам науки относит научные законы, факты, теории, специфические категории и понятия, принципы, постулаты, частные методы, гипотезы¹; П.В. Коп-

нин — основания науки, законы, основные понятия, теории, идеи², А.А. Хачатрян — научные гипотезы, проблемы, законы, теории³, С.С. Алексеев применительно к теоретическим построениям юридической науки выделяет общие понятия, категории, теории, гипотезы⁴. Н.А. Богданова, помимо понятий как первичных элементов системы науки конституционного права, в качестве ее компонентов называет и более сложные образования — теоретические построения (принципы, теории, концепции, доктрины, гипотезы) и подсистемы (научные подотрасли и дисциплины)⁵.

Не претендуя на фундаментальность исследования строения научного знания, позволим заметить, что при всей вариативности

² Копнин П.В. Логические основы науки. Киев, 1968. С. 210.

³ Хачатрян А.А. Эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое в философии науки. Волгоград, 2005. С. 12.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 4. Применение права. Наука права: курс лекций: учеб. пособ. Свердловск, 1966. С. 103.

⁵ Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 80.

¹ Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. М., 1974. С. 44.

© Вискулова Виктория Вячеславовна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Амурского государственного университета, зам. председателя Избирательной комиссии Амурской области [viskulova@mail.ru]

г. Благовещенск, 6 ул. Ленина, д. 135.



авторских взглядов на данную проблему наблюдается некая общая тенденция его формирования по следующей цепочке: *понятия* → *категории* → *гипотезы* → *концепции* → *законы* → *теории*. Важно, чтобы подобные элементы упорядочили в единое образование, как науки, теоретические знания. Сам по себе каждый элемент науки еще не несет целостного знания, не дает полного представления о сущности изучаемого явления. Лишь взаимосвязь объединенных общими принципами понятий, категорий и суждений, комплексно подытожившая общие закономерности развития изучаемого явления и дающая перспективу получения новых результатов в познании, образует научную теорию, по отношению к которой концепции и гипотезы имеют вспомогательное значение. То есть существование теории возможно лишь на основе других компонентов системы науки, в первую очередь понятий и категорий, которые отражают диалектику внутренних взаимосвязей, формы проявления и различные свойства изучаемых явлений (применительно к юридическим наукам — права), и являются (в отличие от других компонентов) сугубо структурными, а не сущностными элементами науки.

Учитывая, что избирательное право выступает научной подотраслью конституционного права, гарантии избирательных прав граждан находят свое проявление в компонентах такой подсистемы. Что же это за компоненты и каково их влияние на иные элементы науки? Избрав принцип теоретического мышления — движение от абстрактного к мысленно конкретному, формирующему в единстве элементов совокупное представление о правовой действительности, в первую очередь отнесем к таким компонентам *научную теорию*.

Что следует понимать под *научной теорией*? Классическим можно назвать определение, данное в словаре по логике: «теория — наиболее развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности»⁶. Причем если одни авторы акцентируют внимание лишь на отдельных аспектах научной теории (так, А.И. Ракитов называет ее объединением законов различной общности⁷; С.Б. Крымский — знанием из принципов⁸), то другие исследова-

тели рассматривают теорию в качестве более сложного научного комплекса, являющегося не структурным, а сущностным образованием в системе науки. В последнем случае интересно мнение М.С. Бургина и В.И. Кузнецова, считающих научную теорию многоуровневой иерархически организованной системой, включающей взаимосвязанные подсистемы — *логико-лингвистическую* (представленную совокупностью понятий и выражающую формально-описательные свойства научной теории); *модельно-репрезентативную* (изучающую модели, принципы, законы теории); *прагматико-процедурную* (представленную совокупностью действий с компонентами остальных подсистем теории и их оценок); *проблемно-эвристическую* (изучающую задачи, проблемы, вопросы, гипотезы); *систему соответствий* (отражающую взаимосвязь вышеназванных подсистем). Подобное сложное строение научной теории подтверждается и выводами других ученых, нередко использующих иные наименования компонентов и доказывающих их разную роль в процессе познания.

При исследовании роли гарантий избирательных прав граждан в системе конституционного права упрощенно выделим в научной теории три основных компонента: *модели* (как результат абстракции, отражающей приближенно верные закономерности развития реальных систем), *исходные понятия (категории)* и *фундаментальные законы* (отражают внутренние взаимосвязи модели); вытекающие из них *следствия*. Указанные компоненты составляют относительно замкнутое образование вокруг базовой парадигмы. Эта система упорядочена строго определенным образом, — так, В.Н. Карпович рассматривает научную теорию как иерархию утверждений, относящихся к определенной области и связанных между собой дедуктивными и индуктивными отношениями⁹. Схожей точки зрения придерживается и Г.И. Рузавин, также подчеркивший при исследовании структуры научных теорий такое свойство их упорядоченности, как иерархичность, т.е. расположение «вверху» теории исходной системы абстрактных объектов, свойства и отношения которых формулируются с помощью основных понятий и законов теории, а далее, по мере удаления, — системы абстрактных объектов менее общего характера¹⁰. В последнем случае систематизации в теории подвергаются не утверждения сами по себе, а абстракции, выступающие предметом

⁶ Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991. С. 182.

⁷ Ракитов А.И. Анатомия научного знания (популярное введение в логику и методологию науки). М., 1969. С. 122.

⁸ Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974. С. 59.

⁹ Карпович В.Н. Системность теоретического знания. Логический аспект. Новосибирск, 1984. С. 7.

¹⁰ Рузавин Г.И. Научная теория. Логико-методологический анализ. М., 1978. С. 49.



соответствующих утверждений, что свидетельствует не столько о различиях строения теорий в авторских концепциях, сколько об отличиях методологических подходов ученых к изучению вопроса.

Итак, ядром научной теории является некое множество или единичность аксиом, взаимосвязанных с другими утверждениями данной либо иных теорий и описывающих тот либо иной объект исследования. Такое описание должно исключать внутреннюю и внешнюю противоречивость научного знания, заключенного в теории, и обеспечиваться независимостью исходных понятий и допущений друг от друга (т.е. несводимостью друг к другу посредством определений). Указанные требования выполнимы лишь в условиях правильно выстроенной структуры теории, воплощенной в ее различных типах. Среди теорий А.А. Хачатрян, Г.И. Рузавин выделяют *феноменологические*, предшествующие развитой объяснительной теории (описывающие определенную группу явлений с одновременным первичным упорядочением соответствующих фактов, без объяснения их сущности); *нефеноменологические*, интерпретативные, выражающие теоретическую зрелость науки (раскрывают внутренние механизмы изучаемых явлений, связи между ними); *формальные*, исследующие общую структуру или форму явлений; *содержательные*, изучающие конкретные свойства и отношения явлений; в зависимости от выполняемых функций теории делятся на *объяснительные*, т.е. раскрывающие связи между закономерностями действительности на основе упорядочения всей совокупности фактов, подлежащих систематизации, *описательные*, ограничивающиеся перечислением признаков, приблизительно полно раскрывающих объект исследования, *предсказательные*, т.е. поясняющие закономерности развития явлений с целью выявления тенденций их дальнейшего развития; в зависимости от императивности либо диспозитивности вывода — *строго детерминированные* и *вероятностные*. Применительно к науке конституционного права Н.А. Богданова с точки зрения значимости ранжирует теории на *универсальные* (представляющие наиболее высокий уровень систематизации конституционно-правового знания), *базовые* (обосновывающие основные категории и комплексные институты конституционного права) и *частные (конкретные)*, являющиеся составными частями универсальных и базовых теорий¹¹.

В современном конституционном праве исследуется множество теорий — теории конституции, конституционализма, конституционного правопользования, конституционной ответственности, местного самоуправления и т.д., — занимающих разные места в системе конституционно-правового знания. В избирательном праве как подотрасли конституционного права разрабатываются самостоятельные теории как фундаментального (например, теории российского избирательного права, избирательного процесса), так и более узкого профиля — теории предвыборной агитации, избирательных комиссий, компонентов правовой культуры, изучения электорального поведения и другие. Теории избирательного права и избирательного процесса, наиболее емко аккумулирующие идеи выборности, с точки зрения конституционного права носят базовый, нефеноменологический характер; остальные из вышеперечисленных следует отнести к частным (конкретным) теориям, описывающим определенные явления, складывающиеся в электорально-правовом блоке конституционной науки. В научной подотрасли избирательного права указанные теории меняют характер и могут рассматриваться уже в качестве универсальных и базовых соответственно.

Допустимо (и правильно ли) сегодня обосновывать существование в российской юридической науке теорий гарантий избирательных прав граждан гарантирования указанных прав, гарантийного избирательного права? На наш взгляд, исследования по указанным проблемам пока еще не достигли того логического завершения, которое бы соответствовало теоретической зрелости, присущей интерпретативным теориям. В то же время накопленный эмпирический и теоретический материал по отмеченной тематике постепенно обобщается и систематизируется; раскрываются и совершенствуются введенные в научный и нормативный оборот понятия гарантий избирательных прав; прослеживаются определенные закономерности генезиса и развития содержательных элементов, составляющих основу системы соответствующих гарантий. Это позволяет предположить, что правовое знание в рассматриваемой области уже миновало стадию феноменологической теории.

Учеными произведена первичная упорядоченность гарантий избирательных прав граждан, намечены пути познания их сущности и перспектив дальнейшего развития, что предполагает наличие логико-лингвистической, проблемно-эвристической, прагматико-процедурной подсистем научной теории и формирование ее модельно-репрезентатив-

¹¹ Богданова Н.А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 200–202.



ной составляющей. Однако отказ от многих традиционных институтов избирательного права, введение в современную избирательную систему России ряда норм, гарантийных лишь по форме, но не по содержанию, недостаточная согласованность положений избирательного и смежного с ним законодательства, а также самого законодательства о выборах, олицетворяющая отсутствие глубокого научного анализа некоторых из принимаемых новаций, неподтвержденность на практике ряда выдвинутых при построении системы электоральных знаний гипотез позволяют говорить лишь о *складывающихся* теориях гарантий избирательных прав, гарантирования указанных прав, гарантийного избирательного права, находящихся в стадии перехода от феноменологического к нефеноменологическому уровню знания.

Несмотря на известную схожесть отмеченных теорий, предмет их изучения обладает известной спецификой, — в первом случае научную разработку получает весь комплекс условий, средств, способов реализации и защиты избирательных прав граждан, во втором — преимущественно деятельность государства по обеспечению соответствующей реализации и защиты (т.е. акцент делается, используя терминологию Н.А. Богдановой, на способах реализации и защиты прав), в последнем же случае обосновывается самостоятельный статус гарантийного права в системе права как возможной подотрасли избирательного права. Наиболее широкой по содержанию, на наш взгляд, является теория гарантий избирательных прав граждан, поскольку изучение их правовой природы неминуемо затрагивает как функционирование государственных органов, деятельность участников избирательного процесса, способствующую реализации избирательных прав граждан, так и познание роли, места указанных гарантий в правовой системе России. Комплексная разработка соответствующего спектра научных представлений до сих пор не завершена. Подобная цель ранее не ставилась учеными; в юридической литературе лишь подчеркивалась разная природа отмеченных гарантийных правопроявлений¹². В то же время необходимость дальнейшей разработки соответствующих теорий следует из совокупности ряда норм Конституции РФ, закрепленных прежде всего в ст. 3, 17, 32, 45, 81 Основного закона.

Объединяющим содержанием указанных теорий в их нефеноменологическом прояв-

лении должно быть обоснование идеи о том, каким образом обеспечить претворение в жизнь конституционного постулата, объявляющего высшим непосредственным выражением власти народа свободные выборы, что возможно посредством познания правовой природы указанных гарантий через систему права и его функционирование, описания разновидностей гарантий избирательных прав граждан, разработки рекомендаций по повышению их эффективности на основании анализа правоприменительной практики (поскольку апробация итогов теоретических изысканий выступает неотъемлемой частью правовой теории). Практическая реализация власти народа через свободные выборы как одно из основных утверждений теорий гарантий избирательных прав граждан должна дополняться и менее частными аксиомами, включаемыми в структуру теории, — например, о периодичности выборов как гарантии избирательных прав граждан, недопустимости отмены прямых выборов депутатов представительных органов государственной власти, о возможности гарантирования избирательных прав не только граждан РФ, но и некоторых категорий иностранных граждан, о равенстве прав кандидатов вне зависимости от модели избирательной системы, о сочетании публичного и частного начал финансирования выборов как гарантии прав участников избирательного процесса, о существовании института гарантий избирательных прав граждан и т.д.

Каждое из этих утверждений включается в единую иерархическую систему, связанную отношениями логической выводимости, и может дать начало соответствующей частной (конкретной) теории. Вокруг каждого такого утверждения выстраиваются свои понятия, конструкции, закономерности, принципы, на основе гипотез выводятся следствия, что в комплексе и должно формировать развитие *универсальной теории избирательного права — теории гарантий избирательных прав граждан*. Эта теория может быть выстроена либо в качестве формальной, либо в качестве содержательной, раскрывающей сам механизм реализации и защиты избирательных прав граждан. Учитывая, что сегодня проведено достаточно научных исследований, посвященных отдельным гарантирующим аспектам института выборов, становится возможным на основе их индуктивного обобщения построение одноименной концепции, которая при дальнейшем углубленном доктринальном анализе и практической реализации может быть использована в качестве компонента более высокого логического

¹² См., напр.: Красс В.И. Концепция конституционно-правового пользования (право на предпринимательскую деятельность): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 273.



построения науки — универсальной теории гарантий избирательных прав граждан. Это, в свою очередь, предполагает обращение к наиболее емкому по степени объединения научного знания звену теории — к *научным законам*.

Рассматривая законы в качестве главной ценности всякой теории, А.И. Ракитов обращает внимание на возможность их различного соотношения в теории — от независимости друг от друга до выводимости (дедуктивности) из законов более высокой общности, вершину среди которых занимают «постулаты», т.е. законы первого ранга, самые общие, не выводимые из других законов данной теории; однако, независимо от принадлежности законов к разным «этажам» научного знания, все они должны объединяться «единой архитектурой», без которой невозможно построение целостной научной теории¹³. Объектами законов науки являются *модели*, заменяющие реальные объекты и непосредственно воспроизводящие наиболее существенные их черты; модели рассматриваются в качестве редуцированного отражения отдельных свойств реальных объектов, что предполагает лишь приблизительную истинность получаемых на их основе выводов. То есть модель, согласно определению, предложенному В.А. Леванским, есть не что иное, как система представлений (отражений), частично имитирующая систему-оригинал, способная дать новое знание об оригинале¹⁴. Законы же, формулируемые в научной теории, по словам А.Н. Авдонина, относятся не к эмпирически данной реальности, а именно к теоретическому объекту, т.е. к модели¹⁵. В адаптивном смысле модель на какое-то время становится внешним доказательством действия научного закона, т.е. выступает в качестве формы по отношению к закону, определяющему ее содержание.

Моделирование в юриспруденции имеет свою специфику, выражающуюся в проблеме поиска взаимно однозначного соответствия между моделью и оригиналом, — установить подобие общественным отношениям крайне сложно. В.Д. Рудашевский по этому поводу отмечает возможную потерю направленной ориентации между «копией» и «оригиналом»: «... не ясно, что чего моделирует: с одной стороны, казалось бы, норма права (некая отвле-

ченная конструкция) выступает в роли модели реально складывающихся общественных отношений; с другой стороны, правовые нормы являются реальным фактором, определяющим в значительной мере возникновение и протекание самих общественных отношений в форме правоотношений, которые, таким образом, находятся во взаимном соответствии с нормами, т.е. подобны им как модель»¹⁶. С учетом юридической специфики ученый предлагает под моделью в праве понимать совокупность суждений, фиксирующую некоторые инвариантные связи, соответствия в структуре изучаемых общественных отношений¹⁷.

Юридическая наука исследует преимущественно *нормативные модели* как логические конструкции, применяемые законодателем, которыми, впрочем, модельный ряд в праве не исчерпывается, — ученые также выделяют *дескриптивные модели*, применяемые при описании свойств явления в целях прогнозирования его хода и результатов в будущем; *индуктивные*, предполагающие обобщение по единичным частным фактам; *дедуктивные*, основанные на упрощении гипотетических ситуаций; *познавательные модели*, которые могут быть применены к системе права, его функционированию, генезису развития и к исследованию иных правопроявлений; *проблемно-ориентированные*, направленные на постановку конкретного научного вопроса; *модели-решения*, предлагающие механизм разрешения существующей проблемы, и некоторые другие. Любая из указанных моделей в сфере права проходит этапы системного моделирования, предполагающие первоначальное построение *концептуальной модели*, основанной на множестве вспомогательных гипотез, описывающих изучаемое явление с выделением существенных и несущественных признаков (эта модель эскизная, призванная детально познать отдельные признаки оригинала); затем создается *теоретическая модель*, которая богаче концептуальной, поскольку предполагает большую степень абстрагирования. И каждой из указанных моделей присущи свои законы построения.

Закон как нормативный акт, аккумулирующий наиболее значимые нормы права, традиционно признается моделью деятельности органов власти, граждан. Нормы права предусматривают те модели поощряемого, охраняемого, допускаемого в данном обществе поведения, которые государство считает

¹³ Ракитов А.И. Анатомия научного знания (популярное введение в логику и методологию науки). С. 122–123, 134.

¹⁴ Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С. 20.

¹⁵ Авдонин А.Н. Обоснование фундаментальных теоретических объектов. Уфа, 2003. С. 4.

¹⁶ Рудашевский В.Д. Право и моделирование // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 292.

¹⁷ Там же. С. 300.



оптимальными в данных условиях и за отклонение реального поведения от которых устанавливаются правовые последствия. Такие правовые модели являются результатом правотворчества, в процессе которого определяется круг лиц, к которым модель обращена, устанавливаются их права и обязанности для достижения оптимальной цели, выбирается вид и форма правового акта, регулирующего данные отношения. Задавая результат, которого должны достигнуть субъекты правоотношений, правовая норма проецирует модель того взаимодействия, которое приведет их к цели. Правила конструирования соответствующих моделей как средства повышения эффективности права и представляют собой особую разновидность законов науки.

Конечно, моделями структуры законодательства содержание права как системы моделей должного и возможного поведения участников общественных отношений не исчерпывается. К правовым моделям в юридической науке относятся модели прогнозирования законодательства, модели принятия государственно-правовых решений, модели правовой кибернетики, модели правомерного и противоправного поведения, модели правоотношений, модели правореализации, модели деятельности правовых учреждений, модели эффективности систем правового регулирования; даже само право нередко называется моделью общественной действительности. В конституционном праве разрабатываются модели федерализма, правового и социального государства, взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления, конституционного правопорядка, соотношения человека и власти в свете конституционного правопользования и многие другие.

Исследованиям в области избирательного права также присуще построение моделей, в качестве которых называются механизм дистанционного электронного голосования, реформирование избирательной системы, регулирование избирательного процесса, совокупность особенностей муниципальных избирательных кампаний, избирательные системы, выдвижение кандидатов по округам, правомерное поведение участников выборов и т.д. На «стыке» избирательного права и социологии, психологии, политологии разрабатываются теоретические модели электорального поведения. Элементами вышеназванных моделей называются статус избирателей и иных участников избирательного процесса, конституционные обязанности органов, участвующих в его организации, основные черты механизмов реализации и защиты избирательных прав граждан, принципы, стадии избира-

тельных действий, методики распределения депутатских мандатов и другие. Как видим, в данных случаях модели рассматриваются в качестве упорядоченного набора предположений об изучаемой системе, что подтверждает правоту В.Д. Рудашевского. Нередко в качестве моделей рассматриваются варианты законодательного регулирования порядка реализации и защиты избирательных прав граждан, деятельности средств массовой информации на различных этапах избирательного процесса, избирательное законодательство в целом. В основе же всех вышеназванных моделей находятся свои специфические законы.

Модели гарантий избирательных прав граждан могут в зависимости от выбранного аспекта исследования воспроизводить различные явления: в качестве нормативной модели — общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации и защиты избирательных прав граждан; в виде дескриптивной модели — прогнозируемые инвариантные связи между субъектами указанных отношений в будущем; познавательная модель может отражать структуру института гарантий избирательных прав, место гарантий в механизме правового регулирования (в данном случае модель может быть построена в виде структурных, функциональных, исторических понятийных рядов) и т.д.

Гарантии как модели в сфере избирательного права могут создаваться как путем усиления свойств эмпирически наблюдаемой реальности, так и посредством теоретического конструирования мысленных объектов. Например, современную российскую модель «плавающего» заградительного барьера при проведении выборов по пропорциональной избирательной системе можно представить в качестве модели-гарантии учета интересов большинства избирателей, принимающих участие в голосовании. Соответствующая модель была подсказана практикой федеральных выборов 1995 года, когда признание избирательными объединениями любых общероссийских общественных объединений, устав которых предусматривал участие в выборах, привело к тому, что голоса избирателей, отданные за 39 объединений и блоков, не преодолевших 5-процентный заградительный барьер, не учитывались при распределении депутатских мандатов, и Дума была сформирована мнением немногим более чем половины избирателей. Теоретическое усиление указанной тенденции могло привести к тому, что Государственная Дума РФ формировалась бы меньшинством, что поставило бы вопрос о ее легитимности. Это потребовало корректировки модели нормативного регулирования.



На наш взгляд, сугубо эмпирическое происхождение имеет и модель отказа от формы голосования «против всех» кандидатов, избирательных объединений.

В то же время в избирательном праве значительное число моделей конструируется вне эмпирического опыта. Таковы теоретические модели системы, структуры гарантий, механизма гарантирования. К сожалению, такие теоретические конструкты существуют и в сугубо практической сфере, — например, нормативно учрежденная модель голосования по почте в настоящее время не получает эмпирического воплощения; модель недействительности выборов, ввиду крайне редуцированного отражения в законодательстве, также остается в значительной степени абстракцией. Обращение к моделированию при проведении современных исследований по избирательному праву с учетом познания необходимых законов позволяет не только упорядочить научное знание, но и вскрыть существующие недостатки правового регулирования.

Признавая за законами характер важнейшего фактора, объединяющего полученное различными методами знание, относящееся к предмету изучения, все же не следует абсолютизировать их роль в системе науки. Примером последнего можно назвать мнение П.А. Рачкова, считающего научные законы главным составным элементом науки, ее системообразующим звеном, предельной формой уплотнения объема знаний¹⁸. Впрочем, подобные точки зрения более распространены в естественных исследованиях. В теоретико-правовых трудах законы науки мало рассматриваются в качестве элемента ее системы; за ними лишь обобщенно признается фиксирующий характер связей и отношений государственно-правовой действительности. В юридической литературе больше внимания уделяется закономерностям, а не законам, ставшим итогом обнаружения закономерностей. Отличие данных понятий верно отмечено С.Г. Федосиным: «Закономерность — это реальная связь, но не такая широкая и фундаментальная, как закон. Характерной чертой закона является его необходимое, устойчивое, повторяющееся проявление в определенных условиях как общественной связи»¹⁹.

В отечественной правовой литературе проблемы раскрытия закономерностей права стали привлекать внимание исследователей лишь с середины 70-х годов прошлого века.

Информацию о закономерностях ученые искали посредством анализа причин неэффективности или отрицательных последствий действия той либо иной нормы и практики ее применения, что позволило не только определить виды соответствующих закономерностей, но и предложить варианты их классификации. Например, Р.О. Халфина выделила три закономерности развития права — объективную обусловленность правовой формы общественных отношений содержанием регулируемых отношений; внутреннюю согласованность норм права; объективную обусловленность средств правового воздействия²⁰. О.А. Гаврилов, рассматривая закономерности общественного развития как устойчивые внутренние связи и отношения, обуславливающие глубинные тенденции изменения и развития общественной системы, а юридические закономерности в качестве направлений движения и развития государственно-правовых процессов, упоминает о трех типах закономерностей в праве: *структурных* (характеризующих внутреннюю и внешнюю архитектуру права, разделение его на отрасли и институты, взаимосвязанные иерархические уровни), *функциональных* (характеризующих динамику права в реальной социальной жизни, сам процесс воздействия права и всей системы правового регулирования на совокупность общественных отношений) и *закономерностях развития права* (характеризуют сложившиеся и достаточно четко проявляющиеся тенденции хода правового развития на основе совершенствования права и правовой системы в целом)²¹. Приведенная классификация позволяет исследователю предложить в качестве примеров существующих закономерностей в праве такие, как основной закон правовой формы общественных отношений (право не может быть выше экономического строя общества); возрастание роли правовых начал в жизни общества; развитие правовых институтов и норм, связанных с развитием начал самоуправления, самоорганизации и саморегуляции в правовой сфере; пропорциональность и сбалансированность правовой системы; сближение национальных правовых систем и международного права.

Другие ученые придерживаются схожих точек зрения. Так, П.М. Рабинович государ-

²⁰ Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1981. С. 79–90; Халфина Р.О. О закономерностях права // Право и правотворчество: вопросы теории / отв. ред. В.П. Казимирчук. М., 1982. С. 28–36.

²¹ Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 22–26; Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. С. 202.

¹⁸ Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. С. 39.

¹⁹ Федосин С.Г. Основы синкретики: Философия носителей. 2-е изд. М., 2010. С. 84–85.



ственно-правовые закономерности также называет устойчивой и общей связью государственно-правовых явлений между собой и с другими общественными явлениями, которая непосредственно обуславливает и воплощает их качественную определенность в социальной системе²². С.С. Алексеев к числу специфических закономерностей права относит сочетание и единство свойств права, а также такие его свойства, как системность, динамизм, принудительность и другие, которые носят характер объективных закономерностей правовой формы; соотношение между субъективным правом и юридической обязанностью, «жесткие» сцепления между правомочиями и обязанностями, переходы между ними; тенденцию расширения сферы действия права²³. Л.С. Явич объективными закономерностями права называет, например, соответствие права экономическому базису, соответствие между объективным и субъективным правом, реализацию права в связях и отношениях юридического свойства, необходимую зависимость между юридическими правами и обязанностями, диалектическое единство норм права и правоотношений²⁴. В.Н. Карташов ведущей правовой закономерностью называет процесс усиления механизма юридического гарантирования правоприменительной деятельности, имея в виду гарантирование действий как субъектов, так и участников правоприменения²⁵.

Заметим, что отечественной доктрине присуще не только изучение закономерностей, но и законов в сфере правовой действительности. При этом специальные юридические науки выводят эмпирические законы, приводящие эмпирический материал к общему знаменателю. Кроме того, существуют общетеоретические законы, законы структуры, развития и функционирования права. Встречаются и попытки определения основного закона правовой действительности, в качестве

которого А.М. Васильев называл закон соответствия государственной воли господствующего класса экономическому строю и обусловленному им культурному развитию общества²⁶; В.О. Тененбаум — закон функционирования государства как целого в зависимости от политически господствующего класса, использования государственной власти в его коренных общих интересах²⁷. Известен опыт выделения основных законов отдельных отраслевых наук. Например, в конституционном праве в качестве таковых иногда рассматриваются законы единства и взаимосвязи: источников и форм конституционного права, законодательной и исполнительной власти, естественного и позитивного конституционного права, частного и публичного конституционного права, объективного и субъективного конституционного права²⁸.

В юриспруденции распространено и использование законов других наук. Так, из числа общих законов управления в правовых науках используются закон необходимого разнообразия, закон соотношения стимулов и антистимулов, закон сочетания внешнего регулирования и саморегулирования, применяемые в теории эффективности правовых норм²⁹. Закон *необходимого многообразия*, сформулированный Р.У. Эшби, заключается в том, что для обеспечения эффективного управления степень разнообразия системы управления должна быть не меньше степени разнообразия управляемого объекта. Воспользовавшись интерпретацией этого закона к нормотворческой деятельности, предложенной В.В. Глазыриным, В.И. Никитинским, приведем пример в сфере гарантий избирательных прав граждан.

Если представить совокупность избирательных правоотношений по голосованию на федеральных выборах граждан, не имеющих возможности в день голосования прибыть в помещение для голосования на своем избирательном участке в виде некоторой системы S , стремящейся к увеличению S_n (т.е. к максимальной реализации избирательных прав всех граждан, обладающих правоспособностью),

²² Рабинович П.М. К вопросу о специфических государственно-правовых закономерностях как предмете юридической науки // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права / ред. кол. С.В. Поленина, Ю.А. Тихомиров, Н.П. Фарберов, Н.В. Витрук, Л.С. Мамут, М.М. Славин. М., 1974. С. 48–49.

²³ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. С. 66–67; Он же. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 28.

²⁴ Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. С. 73.

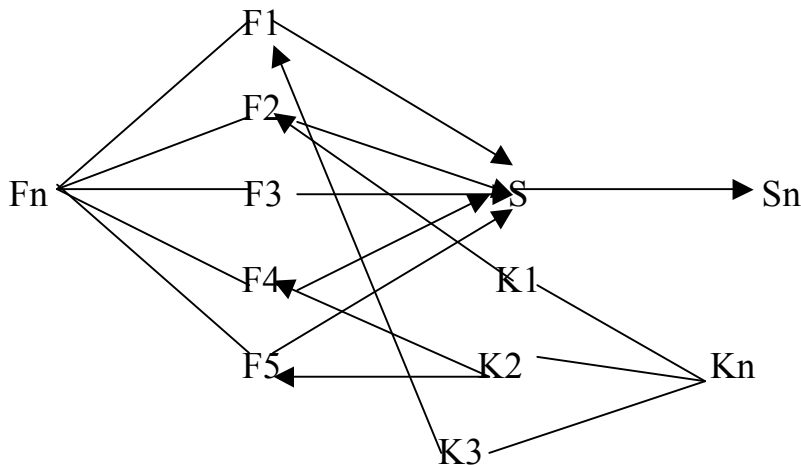
²⁵ Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 178.

²⁶ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 121.

²⁷ Тененбаум В.О. Введение в общую теорию государства. Саратов, 1976. С. 79.

²⁸ Ходзинская А.Б., Шапиро Е.А. Система источников конституционного права: опыт комплексно-системного исследования. М., 2008. С. 30–38.

²⁹ См. об этом подробнее: Глазырин В.В., Никитинский В.И. Совершенство законодательства // Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980. С. 92–95.



чему препятствуют внешние возмущающиеся силы F_n , в состав которых входят нахождение в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых F_1 , нахождение в командировке в другом городе F_2 , в космическом пространстве F_3 , пребывание за пределами РФ F_4 , работа на полярной станции F_5 , то для обеспечения нейтрализации этих возмущающихся факторов и гарантированной реализации избирательных прав граждан необходимо использовать систему норм K_n в виде: открепительных удостоверений K_1 , досрочного голосования K_2 , голосования вне помещения для голосования K_3 . Как видим из приведенной схемы 1, не каждый возмущающийся фактор получает необходимое правовое регулирование, что требует дополнительной дифференциации избирательного законодательства, повышающей эффективность правового регулирования (см. схему).

Закон соотношения стимулов и антистимулов заключается в том, чтобы мощность положительных стимулов (правовых норм, устанавливающих льготы, преимущества, поощрения; вероятности достижения цели; юридической ответственности за неправомерное поведение, включающей как жесткость санкций, так и их неотвратимость) превышала мощность антистимулов. Теория управления, использованная при создании теории эффективности правовых норм, предписывает, что повышение положительного стимула или сокращение мощности антистимула влечет повышение эффективности правовых норм, однако всегда есть критические интервалы, за которыми эти действия бесполезны либо ввиду так называемого «порога насыщения», либо из-за их неощутимости. Так, современная тенденция к повышению предельных размеров расходования средств избирательных фондов избирательных объединений при про-

ведении выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, наблюдаемая на региональном уровне, не всегда соответствует цели усиления прозрачности финансирования избирательных кампаний, поскольку наибольшая средняя наполняемость избирательных фондов избирательных объединений только в 2010 г. понизилась на 13%³⁰.

Другим примером действия рассматриваемого закона науки в сфере гарантий избирательных прав можно привести следующее. Регистрация списков кандидатов политических партий без сбора подписей является мощным положительным стимулом, инициирующим поведение лиц, желающих реализовать свое пассивное избирательное право. Однако возможность избирательных объединений исключить таких кандидатов из своих списков, которая до недавнего времени рассматривалась как неограниченная, выступала антистимулом соответствующего поведения граждан. Олицетворением действия рассматриваемого закона управления стало постановление Конституционного Суда РФ, четко определившее границы собственного усмотрения избирательных объединений в этом вопросе³¹.

³⁰ Средняя наполняемость избирательных фондов рассматривается в качестве отношения общей суммы поступлений в избирательные фонды к установленному законом субъекта РФ предельному размеру расходования средств указанных фондов. См.: Выборы в субъектах РФ в единый день голосования 14 марта 2010 г.: Электоральная статистика. М., 2010. С. 39–40; Выборы в субъектах РФ в единый день голосования 10 октября 2010 г.: Электоральная статистика. М., 2011. С. 37–38.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2009 г. №16-П «По делу о проверке конституционности п. 32 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»», подп. «к»



Закон сочетания внешнего регулирования и саморегулирования состоит в приведении в соответствие целей и вариантов поведения управляющей и управляемой систем с помощью методов убеждения и принуждения. Важно, чтобы цель, заявленная управляющей системой, не искажалась целями управляемой системы. Так, если цель сбора подписей при выдвижении кандидатов — подтверждение минимальной поддержки предвыборной программы соответствующего участника избирательного процесса, то именно кандидат несет ответственность за достоверность данных, содержащихся в подписных листах, самостоятельно определяя механизм этого сбора, а избирательные комиссии не должны создавать препятствий для реализации пассивного избирательного права граждан при осуществлении проверки порядка сбора подписей, оформления подписных листов, достоверности сведений об избирателях и их подписей. В идеале управляемая система сама должна стремиться к цели, заданной управляющей системой.

На основании вышесказанного можно констатировать, что законы, закономерности «управляют» возникновением, структурой, функционированием и развитием гарантий избирательных прав граждан. Знание указанных компонентов системы науки позволяет предположить их потенциал в преобразовании общественной жизни. В настоящий момент в юридической литературе о выборах превалирует анализ нормативного материала по гарантийной тематике. Однако научное прогнозирование в этой сфере невозможно без обращения к проблеме закономерностей гарантий избирательных прав граждан, которые должны рассматриваться в контексте общих закономерностей государственно-правового строительства. Бесспорно, что игнорирование объективных закономерностей неминуемо приведет к неэффективности законодательства. Если исходить из предложенной Р.О. Халфиной триады закономерностей в праве, приходится констатировать их недостаточную «выдержанность» в сфере нормативного гарантирования избирательных прав граждан, — в некоторых случаях правовая форма регулируемых отношений не всегда соответствует их содержанию. Так, исходя из значимости затрагиваемых Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

Федерации» и его превалирующей роли в системе российского избирательного законодательства, отмеченный нормативный акт вполне мог бы быть облечен в форму федерального конституционного закона, а отдельные его нормы более логично бы смотрелись в составе актов подзаконного правового регулирования; кроме того, современные возможности субъектов РФ по созданию самостоятельных нормативных форм проведения региональных и муниципальных выборов крайне малы, что, на наш взгляд, свидетельствует о недостатках концепции совместного гарантирования избирательных прав граждан Федерацией и ее субъектами.

Кроме того, внутренняя согласованность норм права как его закономерность также зачастую не присуща институту гарантий избирательных прав граждан, да и средства правового воздействия на участников избирательных правоотношений не всегда объективно обусловлены, — например, непонятно, почему п. 34 ст. 38 действующего Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» возлагает возмещение всех расходов, понесенных при подготовке и проведении выборов организующей их избирательной комиссией, за счет кандидата, избирательного объединения (т.е. за счет одного, предпоследнего участника избирательного процесса), без вынуждающих обстоятельств снявшего свою кандидатуру (отозвавшего зарегистрированного кандидата, зарегистрированный список кандидатов), если это привело к необходимости дополнительного выдвижения кандидата, списка кандидатов. Но ведь безальтернативность выборов во многих случаях является результатом действий нескольких «безответственных» кандидатов, избирательных объединений; зачастую именно коллективное снятие кандидатур накануне выборов используется в качестве «черной» избирательной технологии! И ответственность лишь одного кандидата, избирательного объединения как мера воздействия при их равном статусе со всеми остальными «конкурентами» на выборах вряд ли следует из объективной закономерности.

Общеправовые закономерности, выделенные О.А. Гавриловым, неизбежно оказывают влияние на формирующуюся теорию гарантий избирательных прав граждан. Закономерности структуры, функционирования и исторического развития права должны использоваться при определении места соответствующих гарантий в системе права, в механизме правового регулирования. Рассматривая гарантии избирательных прав граждан сквозь призму системы, динамики права, отражая соотноше-

п. 2 ст. 21 Федерального закона «О политических партиях», ч. 3 ст. 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой ст. 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова» // СЗ РФ. 2009. №47. Ст. 5709.



ния между субъективными избирательными правами и обязанностями участников избирательного процесса, доказывая влияние экономических, политических, идеологических гарантий на состояние юридических гарантий избирательных прав, мы неминуемо обращаемся и к отмеченным выше С.С. Алексеевым, Л.С. Явичем, В.Н. Карташовым закономерностям. В то же время общеправовые закономерности приобретают известную специфику, преломляясь в специальных теориях. Применительно к формирующейся теории гарантий избирательных прав граждан закономерности бытия проявляются в ее понятийном аппарате и используются при построении общей модели гарантирования избирательных прав граждан, выяснении взаимосвязей между правовыми и внеправовыми гарантиями. В итоге в избирательном праве складывается множество общих и частных закономерностей, отражающих устойчивые связи в правовом положении участников избирательного процесса.

В качестве общих закономерностей можно привести недопустимость изменения правил проведения выборов в рамках одной избирательной кампании; наделение выборных должностных лиц, депутатов полномочиями, существующими на момент их избрания с целью пресечения искажения воли избирателей; рациональное использование специальных механизмов в целях достижения большего фактического равенства одноименных групп участников избирательного процесса и усиления действия идеи справедливости в праве; обеспечение примерно равного их статуса на территории всего федеративного государства³². Указанные закономерности не всегда

следуют из практики избирательного процесса (зачастую она свидетельствует об обратном), однако отражают стандартные тенденции развития правовых норм о выборах.

Частными закономерностями в электоральной сфере можно назвать более узкие направления движения и развития государственно-правовых процессов, — например, предоставление общероссийскими, региональными, муниципальными организациями телерадиовещания, периодическими печатными изданиями бесплатного эфирного времени, бесплатной печатной площади зарегистрированным кандидатам, избирательным объединениям, зарегистрировавшим списки кандидатов, сообразно уровню проводимых выборов; несовместимость статуса членов комиссий с правом решающего голоса со статусом кандидатов, их представителей и доверенных лиц; создание примерно равных финансовых условий для проведения избирательных кампаний кандидатов, избирательных объединений путем учреждения предельных размеров расходования средств избирательных фондов. Эти и многие другие закономерности отражают доминирующие тенденции развития отечественного избирательного права, существуют как независимо друг от друга, так и являются непосредственным следствием тенденций более высокой степени общности. На наш взгляд, в качестве базовой закономерности формирующейся теории гарантий избирательных прав граждан должна стать *реализация избирательных прав граждан в соответствии с общепризнанными принципами и нормами избирательного права* (в данном случае принципы рассматриваются не в качестве правовых установлений, нормативно закрепленных, а в виде правовых идей, воплощенных в научной подотрасли конституционно-го права — в избирательном праве).

Итак, приведенная характеристика структуры научного знания в свете идеи гарантиро-

³² Существование таких закономерностей подтверждается, например, следующими источниками: о недопустимости изменений в ходе развернувшейся избирательной кампании конкретных правоотношений, в рамках которых происходит реализация избирательных прав граждан, влекущих ущемления в этих правах и возможный ущерб основным конституционным принципам избирательного процесса – определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 1995 г. №77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. №49. Ст. 4867; о применении решений об изменении срока полномочий, перечня полномочий выборного должностного лица местного самоуправления только к выборным должностным лицам местного самоуправления, избранным после вступления в силу соответствующих решений – ч. 4 ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации», обеспечение равного статуса избирателей, кандидатов на всей территории РФ неоднократно рассматривалось в судебной практике, – так, возможность субъектов РФ устанавливать запрет на проведение повторного голосования в случае, когда на день его проведения в избирательном бюллетене осталась только одна кандидатура, была исключена Конституционным Судом РФ как ограничивающая избирательные права и провоцирующая неравенство указанных прав граждан РФ в зависимости от места жительства, нарушающая принцип юридического равенства в целом – см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2002 г. №10-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 64, п. 11 ст. 32, пп. 8 и 9 ст. 35, пп. 2 и 3 ст. 59 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда» // СЗ РФ. 2002. № 25. Ст. 2515.



вания избирательных прав граждан позволяет сделать следующие выводы:

1. Строеение научного знания многогранно и включает в себя наряду с первичными элементами (понятиями) более сложные образования — теоретические построения, среди которых особо выделяются теории, законы, концепции, гипотезы, объединенные специальными принципами и отражающие в моделях перспективы развития реальных систем. Лишь комплекс названных элементов науки позволяет выявить сущность познаваемого явления и обеспечивает целостность знания.
2. Наиболее развитыми формами организации научного знания являются научные теории, ядром которых выступает некое множество или единичность аксиом, взаимосвязанных с другими утверждениями данной либо иных теорий. В избирательном праве как научной подотрасли конституционного права разрабатываются самостоятельные универсальные, базовые, частные теории, отражающие знание разной степени общности. По мнению автора, сегодня идет процесс формирования теорий гарантий избирательных прав, гарантирования указанных прав, гарантийного избирательного права, находящихся в стадии перехода от феноменологического к нефеноменологическому уровню знания. При всей известной схожести указанных теорий предмет их изучения отличен, — в первом случае научную разработку получает весь комплекс условий, средств, способов реализации и защиты избирательных прав граждан, во втором — преимущественно деятельность государства по обеспечению соответствующей реализации и защиты, в последнем же случае обосновывается самостоятельный статус гарантийного права в системе права как возможной подотрасли избирательного права. Универсальный характер среди вышеназванных теорий должен быть присущ имен-
- но теории гарантий избирательных прав граждан, поскольку изучение их правовой природы неминуемо затрагивает как функционирование государственных органов, деятельность участников избирательного процесса, способствующую реализации избирательных прав граждан, так и познание роли, места указанных гарантий в правовой системе России.
3. Законы науки как утверждения о свойствах, связях и отношениях в исследуемой предметной области отражают постоянное, устойчивое взаимодействие между объектами (моделями) и применяются к реальным объектам лишь в условиях совокупного действия. Избирательному праву присуще построение многих моделей, в основе которых находятся специфические законы. Нормативные, дескриптивные, познавательные и иные модели гарантий избирательных прав граждан создаются как путем усиления свойств эмпирически наблюдаемой реальности, так и посредством теоретического конструирования мысленных объектов, что предполагает необходимость одновременного учета многих законов (закономерностей) права. Именно последние «управляют» возникновением, структурой, функционированием и развитием гарантий избирательных прав граждан. При построении моделей, отражающих их место в системе права, в механизме правового регулирования, при анализе современных проблем нормативного регулирования соответствующих гарантий как недостатков их нормативных моделей необходимо учитывать не только общеправовые, но и частные закономерности, фиксирующие устойчивые связи в правовом положении участников избирательного процесса. Причем все они должны рассматриваться в свете некой общей, базовой закономерности, в качестве которой автор предлагает считать *реализацию избирательных прав граждан в соответствии с общепризнанными принципами и нормами избирательного права.*

Библиография:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. — Свердловск, 1972. — 396 с.
2. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. — М., 1971. — 223 с.
3. Богданова Н.А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001.
4. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. — М., 2001. — 256 с.
5. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976. — 264 с.
6. Выборы в субъектах РФ в единый день голосования 14 марта 2010 г.: Электоральная статистика. — М., 2010. — 152 с.
7. Выборы в субъектах РФ в единый день голосования 10 октября 2010 г.: Электоральная статистика. — М., 2011. — 148 с.



8. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. — М., 1993. — 128 с.
9. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. — Саратов, 1989. — 218 с.
10. Ким А.И. Советское избирательное право: вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения. — М., 1965. — 210 с.
11. Крусс В.И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004.
12. Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. — Киев, 1974. — 208 с.
13. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. — М., 1986. — 156 с.
14. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. — М., 1997. — 159 с.
15. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. — М., 1981. — 317 с.
16. Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. — М., 1965. — 168 с.
17. Ракитов А.И. Анатомия научного знания (популярное введение в логику и методологию науки). — М., 1969. — 206 с.
18. Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. — М., 1974. — 272 с.
19. Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1980. — 308 с.
20. Федосин С.Г. Основы синкретики: Философия носителей. 2-е изд. — М., 2010. — 464 с.
21. Право и правотворчество: вопросы теории / отв. ред. В.П. Казимирчук. — М., 1982. — 128 с.
22. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. — М., 2010. — 342 с.
23. Ходзинская А.Б., Шапиро Е.А. Система источников конституционного права: опыт комплексно-системного исследования. — М., 2008. — 183 с.

References (transliteration):

1. Alekseev S.S. Problemy teorii prava. T. 1. Osnovnye voprosy obshchey teorii sotsialisticheskogo prava. — Sverdlovsk, 1972. — 396 s.
2. Alekseev S.S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve. — М., 1971. — 223 s.
3. Bogdanova N.A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava. Dis. ... d-ra jurid. nauk. — М., 2001.
4. Bogdanova N.A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava. — М., 2001. — 256 s.
5. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava. — М., 1976. — 264 s.
6. Vybory v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii v edinyy den' golosovaniya 14 marta 2010 goda: Elektoral'naya statistika. — М., 2010. — 152 s.
7. Vybory v sub'ektakh RF v edinyy den' golosovaniya 10 oktyabrya 2010 goda: Elektoral'naya statistika. — М., 2011. — 148 s.
8. Gavrilov O.A. Strategiya pravotvorchestva i sotsial'noe prognozirovaniye. — М., 1993. — 128 s.
9. Kartashov V.N. Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost'. — Saratov, 1989. — 218 s.
10. Kim A.I. Sovetskoe izbiratel'noe pravo: voprosy teorii, izbiratel'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya. — М., 1965. — 210 s.
11. Kruss V.I. Kontseptsiya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya (pravo na predprinimatel'skuyu deyatel'nost'). Dis. ... d-ra jurid. nauk. — М., 2004.
12. Krymskiy S.B. Nauchnoe znanie i printsipy ego transformatsii. — Kiev, 1974. — 208 s.
13. Levanskiy V.A. Modelirovaniye v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh. — М., 1986. — 156 s.
14. Luchin V.O. Konstitutsionnye normy i pravootnosheniya. — М., 1997. — 159 s.
15. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva / отв. ред. Р.О. Khalfina. — М., 1981. — 317 s.
16. Osnovin V.S. Sovetskie gosudarstvennopravovye otnosheniya. — М., 1965. — 168 s.
17. Rakitov A.I. Anatomiya nauchnogo znaniya (populyarnoe vvedeniye v logiku i metodologiyu nauki). — М., 1969. — 206 s.
18. Rachkov P.A. Naukovedeniye: problemy, struktura, elementy. — М., 1974. — 272 s.
19. Metodologicheskie problemy sovetskoy yuridicheskoy nauki / отв. ред. V.N. Kudryavtsev. — М., 1980. — 308 s.
20. Fedosin S.G. Osnovy sinkretiki: Filosofiya nositeley. Izd. 2. — М., 2010. — 464 s.
21. Pravo i pravotvorchestvo: voprosy teorii / отв. ред. V.P. Kazimirchuk. — М., 1982. — 128 s.
22. Khazov E.N. Konstitutsionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. — М., 2010. — 342 s.
23. Khodzinskaya A.B., Shapiro E.A. Sistema istochnikov konstitutsionnogo prava: opyt kompleksno-sistemnogo issledovaniya. — М., 2008. — 183 s.

Материал получен редакцией 27 февраля 2013 г.